

С. Кёре

«Русское» изгнание и политика стран Европы 1940–1980-х гг.¹

На протяжении XX в. на территории Западной Европы наблюдалось 5 больших волн притока населения из Российской империи и советской России. Первая волна — 1905 г. (год революции и еврейских погромов), вторая — 1917 г. — середина 1920-х гг., третья — 1940–1945 гг., четвертая — 1970-е гг., и последняя, пятая, приходится на 1990-е гг. Судя по количеству российских и иностранных публикаций и архивных материалов, безусловно, наиболее известна и весома в политическом и культурном плане так называемая «белая» эмиграция, или антибольшевистская. Она известна настолько широко, что именно ее повсеместно и называют «первой волной эмиграции». Связано ли это исключительно с демографическими причинами, в которых соединились достаточная (критическая) масса, этнический и социальный состав, а также возрастание числа натурализаций? Возникает неизбежное и странное впечатление, будто в работах, посвященных миграциям на территории всей Европы, весьма мало места уделяется, если уделяется вообще, советской «политической» эмиграции — движению, зародившемуся в 1945 г. В связи с этим, по общему мнению, представляется загадочной политическая победа горстки диссидентов над тоталитарной структурой. При этом остаются невыясненными причинные связи «эффекта Солженицына» и новой политической обстановки в Европе, когда впервые открыто подверглась осуждению советская власть. Впрочем, начиная с 20-х гг. XX в. этот глас осуждения звучал постоянно, но безрезультатно. Это явление, затрагивающее периоды второй и третьей волн российского изгнания, способствует решению следующих вопросов: какой мы получили ментальную карту Европы — включающей или выводящей за свои рамки политическую деятельность эмигрантов из СССР и оказавшей на нее влияние? Существовали ли взаимообмен и перенос политической

Софи Кёре,
профессор,
Университет Париж 7
имени Дени Дидро,
Центр изучения
русского, кавказского
и центрально-
европейского обществ
(Париж, Франция)

культуры между антикоммунистическими, национальными, европейскими и американскими каналами влияния и эмиграцией? Каким образом «русский» фактор сосуществовал с национальным вопросом внутри эмигрантской среды? Как, наконец, объяснить то обращение к европейской точке зрения, которое имело место в 1970-х гг.?

Разнообразии представителей эмиграции

Если мы сосредоточим внимание на вопросе взаимовлияний, то сможем отметить динамичное развитие сфер политической деятельности эмигрантов, находящихся во взаимодействии с приютившими их обществами². Известно, что эмиграция, начавшаяся после Октябрьской революции, не сумела стать группой, способной повлиять на национальную и интернациональную политику по отношению к Советскому Союзу, тем не менее, российским эмигрантам удалось воплотить свою культурную самобытность, что дало им зримое преимущество (выделило их) среди приезжих других национальностей³. Вторая волна эмигрантов из СССР — «*personnes déplacées*», «перемещенные лица». Это калька с английского словосочетания «*displaced person*» (аббр. *DP*) — категория граждан, угнанных на работы в Германию, военнопленных и перебежчиков из Красной армии на сторону Германии, которым удалось избежать принудительного возвращения на родину, широко практикуемого советскими властями при содействии правительств и союзных оккупационных сил. Необходимо также добавить, что десятки перебежчиков были известными политическими и военными деятелями, самый известный из них — В. А. Кравченко. Это второе поколение (20 из 40 тыс. во Франции против 80 из 100 тыс. из тех, кто прибыл в 1920-х гг.), сформировавшееся уже в Советском Союзе, было значительно менее политически подковано, в идеологическом и в организационном отношении было отмечено опытом сталинских репрессий и сосредоточено на экономическом выживании в тяжелых жизненных условиях. В 1950-х гг. именно люди привилегированного положения из первой волны эмиграции выдвинулись на первый план и, к примеру, добились широкого влияния (мы это еще будем наблюдать), в антикоммунистическом транснациональном движении.

Этот факт был принят переселенцами второй волны негативно, с некоторой долей подозрения по отношению к «белым», часть из которых была изменниками. Со своей стороны поколение 1920-х гг. заклеило позором советскую аккультурацию, которая, как им казалось, отстраняла новоприбывших от европейской культуры и сказывалась даже на языке — имеется в виду русская «приверженность большевизму» в области правописания и словарного запаса. Но именно эти люди проявили себя в гораздо меньшей мере зависимыми от своего общего имперского прошлого. Опыт Второй мировой войны лишь углубил пропасть между русскими и коренным населением европейских стран. Это произошло вследствие наплыва беженцев из Карелии, Латвии и Литвы, которые стремились покинуть новые советские республики, а также в связи с реальным положением вещей: в основе своей жизнь

послевоенной Европы строилась на отрицании или на преследовании коллаборационистов, либо на национальной антикоммунистической борьбе, в которой, например, на Украине, люди иногда объединялись с нацистами. Московская ненависть к империализму, ассимиляция большевизма с русскостью полностью проявилась, к примеру, в статье, опубликованной Антибольшевистским объединением наций (*le Bloc antibolcheviste des nations, l'ABN*), основанным в 1943 г. в Житомире, затем базировавшимся в Мюнхене и по большей части состоявшим из украинских ссыльных⁴. *A contrario*, существовали и «прорусские» организации, самые влиятельные из них — Союз освобождения России, основанный Александром Керенским в Германии, и Народно-Трудовой Союз Российских Солидаристов⁵, созданный молодыми людьми, отказавшимися от ностальгии по монархии, и поддерживающими в межвоенный период украинцев, которые неоднозначно отнеслись к интеграции в их борьбу нерусских представителей. Конкретные усилия, приложенные для сближения советских и восточно-европейских эмигрантов, к примеру, польским журналом «Kultura», были тщетны.

В эмиграции 1960–1970-х гг. часто находят «этническую» подоплеку и говорят скорее о социально-экономических, нежели политических причинах явления. Эту волну представляют две основные группы. К первой относятся советские граждане, которые стали немецкими репатриантами в рамках договора между СССР и ФРГ. Вторую группу представляют собой советские евреи, чье отбытие из СССР во многом было следствием американского давления. К этим двум крупным группам следует прибавить небольшие объединения пятидесятников и приверженцев греческой православной церкви, а также несколько десятков изгнанных диссидентов, высланных или лишенных гражданства в результате заграничной поездки. Это были писатели, ученые и представители интеллигенции, чьи поступки носили политический характер, и кто еще до отъезда сочувствовал Западу, хотя они и не организовали никакого общественного объединения. Взаимосознание — сформированное в Москве, Ленинграде, или в западных столицах, — явление, которое поэт Иосиф Бродский иронично назвал «маленьким кровосмесительным кружком», обострило частные и политические конфликты. Надо подчеркнуть тот раскол во мнениях (свидетелем его стал Александр Солженицын), который возник между высланными из Советского Союза, с одной стороны, и интеллигентами, по собственной воле покинувшими СССР, — с другой, а также теми, кто воспользовался возможностью выезда, подаренной евреям. Впрочем, непрерывное напряжение, существовавшее в эмигрантской среде, а также брежневские репрессии 1970-х гг. привели к сближению сторонников внешне-политической реформы и евреев, стремящихся к возвращению в Израиль.

Европейские политические пространства и «русские» эмигранты

Невозможно переоценить роль эмиграции из СССР 1945–1947 гг. в послевоенном геополитическом переустройстве. Германия (за исключением, разумеется, советской зоны, позже — ГДР) вновь обретает важнейшую роль, не меньшую, чем в 1920-х гг., благодаря лагерям

перемещенных лиц, находящимся на ее территории: в них быстро развивается интенсивная политическая и культурная деятельность. Часть эмигрантов второй волны все же покидают Германию и уезжают в Англию, Францию, больше всего – в США, которые становятся основным местом русской эмиграции второй половины XX в., по причинам как экономическим, так и политическим. В прессе, переписке и воспоминаниях эмигрантов (можно упомянуть, например, свидетельство Романа Гуля, интеллигента, уехавшего из Парижа в Нью-Йорк⁶) — всюду ощущается подозрительность в отношении терпимости европейского общества, особенно Франции, с ее крупной коммунистической партией, к коммунизму и советскому влиянию. Русские эмигранты чувствуют, что им больше нет места в политической жизни, в которой советские настроения больше не уравниваются, как это было в 1930-е гг., солидарностью общей борьбы против нацистской Германии. Восприимчивость сообщества первых русских белых эмигрантов к призывам нового советского патриотизма, которая вызвала, по разным источникам, от пяти до десяти тысяч возвращений из Франции⁷, усиливает тревогу и неуспокоенность новоприбывших.

Холодная война открывает в 1947 г. период, на первый взгляд более благоприятный для тех, кто не хотел ни возвращаться в Россию, ни уезжать в Америку. Антикommунизм становится главным центром интереса европейских политических партий, от правых до социал-демократов. Министерства иностранных дел разыскивают лингвистически компетентных контактных лиц, способных разобраться в советской системе, а министерства внутренних дел финансируют антикоммунистические организации, среди которых есть и эмигрантские⁸. Однако положительная картина экономических, социальных и культурных достижений советского режима, «сила устрашения» (термин Франсуа Фюре) триумфальной мощи нацизма и, наконец, антиамериканские настроения препятствуют восприятию представителями второй волны той критической информации по поводу полемики о концентрационных лагерях в СССР, которую сообщают СМИ⁹. Также следует подчеркнуть, что «холодная война» — период, когда никто уже не сомневается в вечности советского режима. В отличие от периода между двумя мировыми войнами теперь даже в эмигрантской среде редки те, кто предсказывает близящееся разрушение империи изнутри. Парадоксальным образом момент, который тогда предоставлял наибольшие возможности для действий, или хотя бы для реакции на сообщения русских эмигрантов, стал временем бездействия, связанного с угрозой международного конфликта, с отсутствием настоящих двусторонних отношений, со страхом перед реакцией Советского Союза. Провал интеграции украинской, грузинской, армянской и меньшевистской партии в социалистический Интернационал свидетельствует об этом¹⁰. К большому сожалению изгнанников, надежда на согласованные интернациональные действия, высказанная в пожеланиях организаций эмигрантов на конференции 1955 г. в Женеве, не смогла противостоять закреплению ментальной карты блока «Восток-Запад», исключавшей из Европы Советский Союз, а также, хотя и в меньшей степени, советизированную (восточную. — *Ред.*) Европу¹¹.

Десталинизация, ослабление напряжения не способствовали признанию русской политики, еще в меньшей степени – украинской, кавказской или балтийской, тем более если ее представителями являются эмигранты. Это особенно явственно ощущается в Германии и во Франции, двух государствах, которые теперь ведут прагматическую политику в отношении СССР, укрепляя официальные контакты¹². Рост экономических отношений осложняет начатое в предыдущий период финансирование эмигрантских организаций в антикоммунистической предпринимательской среде. Конец 1950-х — начало 1960-х гг., конечно же, отмечен разоблачением сталинской модели, но было похоже, что Советский Союз не может распасться изнутри. На повестке дня Венгрия, Чехословакия и Польша¹³. Политэмигранты из Центральной и Восточной Европы конкурируют по количеству и получаемому отклику с русскими изгнанниками. И если удастся с некоторым успехом оспорить разделение Европы на два противоборствующих пространства (мы говорим скорее о мнениях, чем о реальной внешней политике, так как создание Европейского Экономического Сообщества также способствовало закреплению блоков), — то медленная реинтеграция «другой Европы» в единую ментальную карту происходит в ущерб советскому пространству.

Впрочем, возобновление официальных контактов в туристической, экономической и культурной области ведет к растущей проницаемости политических пространств. Постсталинский СССР может успешно вести двойную политику внутренних репрессий и внешней респектабельности, но последняя не позволяет больше устраивать грубые операции против эмигрантов, вроде похищений белых офицеров в 1930-х гг., насильственной репатриации сразу после Второй мировой войны, убийств руководителей Народно-трудового союза (далее — НТС) или украинских эмигрантов, которые устраивало КГБ в Германии и Австрии в 1950-х гг.¹⁴ Передвижение туристов и студентов, хорошие дипломатические отношения упрощают нелегальные передачи в Европу подпольной литературы¹⁵. В начале 1972 г. переговоры Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), начатые, как известно, СССР с целью закрепить границы, установленные после Второй мировой войны, и обезопасить «Восточный блок», на самом деле открывали ящик Пандоры в битве за права человека, и позволили успешно мобилизовать транснациональные силы, оформившиеся ранее.

Представительствовать, предлагать, действовать: парадоксальная победа небывалой межнациональной мобилизации

Изменения в национальной и международной сферах позволяют понять контрастное развитие трех типов политической деятельности советской эмиграции в Европе: действие организаций как таковых, интеграция в межнациональный процесс и внедрение неформальной интеллигенции в систему политического влияния. Разнородное скопление движений и политических партий, представляющих эмигрантов из СССР после 1945 г., остается мало-

изученной. Однако кажется очевидным, что и к ранее постоянно имевшимся политическим трещинам добавилось неудачное слияние политических сил нескольких поколений, если не считать особенное положение организации НТС, которой удастся отыскать лидеров среди вновь прибывших и создать сеть активных национальных организаций. Однако это ее действия, слабо отозвавшееся в европейском сообществе, сделает незначительным успех ее отдельных представителей. Установки монархистов, или социалистов-небольшевиков, смолкнувших после 1945 г., после столкновения с марксизм-ленинизмом в его советском варианте, так же как и солидаристский проект «Социальной и демократической Российской Федерации» для свергнутого коммунизма СССР, не смогли найти отклика во французских, немецких или итальянских партиях и профсоюзах. Политического перехода не происходит. Преобразование России и советских республик не будет стоять на повестке дня вплоть до 1970 г., когда оно будет в какой-то степени провозглашено внутренними диссидентами, ставшими для небольшой части эмигрантов «третьей волной». Но даже тогда этот голос не будет означать появление соответствующей политической организации.

Отказывались ли эмигранты из СССР того времени вложить свои силы в подобную общественную акцию, чтобы предпочесть ей, как в 1920-х и 1930-х гг., защиту религиозной и культурной самобытности? Можно подумать, что усталость или смирение, — здесь можно процитировать пессимистический итог главы НТС Юрия Бруно в 1977 г. по поводу «двойного стандарта, слепой надежды, доминирующего желания европейцев спокойствия любой ценой», — в данном случае, совместились с эффектом натурализации, которые трудно оценить в точности, ибо русские, ставшие европейскими гражданами, становятся намного более неприметными, чем американцы, оказавшиеся в такой же ситуации.

Особенно во Франции русские корни, советское прошлое представляются скорее как недостаток, чем сила, лишь только заходит речь о том, чтобы подвергнуть экспертизе советский режим. Стоит более глубоко задуматься над тем, почему эмигранты из Центральной и Восточной Европы, опыт социалистического режима которых был оценен значительно выше как в кругах интеллигенции, так и в правящих кругах, вызывали значительно меньшие опасения. Приведем пример Константина Мельника, сына бывшего царского медика, оказавшегося, помимо своей воли, участником политической разведывательной деятельности¹⁶. Помимо прямого политического воздействия, информация о «советской действительности», о борьбе с пропагандой, которая остается ключевой задачей, как и в период между двумя мировыми войнами, с трудом добывается новыми информационными центрами и новыми средствами массовой информации. Практически невозможно найти во Франции, как и в Европе в целом, за исключением Германии, эквивалент большим американским библиотекам, созданным при участии таких видных личностей, как Борис Николаевский, Николай Набоков или Борис Шнуб, которые открыто предоставляли накопленный русскими эмигрантами опыт к услугам сначала «Конгрессу за свободу культуры» в 1950 г., а затем «Американскому

Комитету Освобождения от большевизма» («Committee for Liberation from Bolshevism / Amcomlib»), основанному в 1953 г. «Радио “Свобода”» («Radio Liberty»)¹⁷.

Отсутствие единства у эмиграции, слабость ее политического голоса в Европе могли в то время подтолкнуть часть ее элиты присоединиться к межнациональной борьбе, способной подключить русский и советский вопрос к более крупной игре.

Сразу после войны часть движения европейцев христианского направления встречается с сетью антикоммунистических движений, таких как «Европейский Комитет» и международные «Мир» и «Свобода», и мобилизует, по крайней мере, в Германии, эмиграцию второй волны. Однако очень скоро образовавшаяся европейская структура отдаляет всякую возможную перспективу интеграции России. Что же касается христианского синдикализма, который вначале поддерживает определенное количество инициатив эмиграции (вместе с началом публикации в Париже еженедельного журнала «Русская мысль» — «La pensée russe» — в 1947 г.), то он удаляется от антикоммунизма и приобретает в 1960-1970 гг. национально-политическое направление¹⁸. Мнение Европы, безусловно, является первоочередным в критике сталинского социализма, но основывается оно во многом на обновлении социализма в Европе и за ее пределами, а не на антикоммунизме, воспринимающемся как инструмент Соединенных Штатов.

США, как новый политический центр эмиграции из СССР, в 1950-х гг. являются инициатором создания особых сетей политического воздействия и антикоммунистических организаций, успешно привлекающих эмигрантов к службе на американскую военную компанию в холодной войне, будь то «Конгресс за свободу культуры» («Congress for Cultural Freedom») или «Европейский фонд культурной взаимопомощи» («National Committee for a Free Europe»), созданный и поддерживаемый администрацией Трумана¹⁹, или Амкомлибом (Американский комитет по освобождению советских народов от большевизма).

Эта модель приходит к кризису сразу после *la Détente* (ослабления напряженности в международной обстановке), а затем, в 1960–1970-х гг., из-за огласки связей с ЦРУ, из-за критического пересмотра вопроса вербовки бывших сотрудников и членов Национал-социалистической немецкой рабочей партии. К непрекращающемуся напряжению в отношениях между советскими эмигрантами добавился провал встречи между последними и эмигрантами из Центральной и Восточной Европы. Функционирование одновременно «Радио Свободы» и «Радио Восточной Европы» яркое тому свидетельство. Если задачей организаций эмигрантов, как и целью сборов индивидуальных взносов в пользу группы американских антикоммунистов, было расшатать советский режим, — или, по меньшей мере, создать политические условия и программу, а затем и открытое появление объединенной антисоветской оппозиции эмигрантов,- то тут провал был очевиден.

Русские и советские эмигранты пытались не раствориться среди местного населения именно при помощи культурной деятельности (а не политики). Для эмигрантов риск

замкнуться только в рамках русского языка, уже проявившийся в межвоенный период, по-прежнему был велик, несмотря на попытки публикаций на разных языках, предпринятые НТС и Антибольшевистским блоком народов. Публицистика и новости, публиковавшиеся в «*La pensée russe*» и в изданиях «YMCA Press» во Франции, в журнале «Посев» и в издании «Грани» в Германии, оставались для них, таким образом, малодоступными. Теперь же проблема перевода была решена. Публикации литературных произведений, эссе, свидетельств о политических репрессиях в СССР получили в 1970-е и 1980-е гг. невиданный размах вследствие появления сообществ, на этот раз неформальных, составлявших общую франко-русскую университетско-издательскую среду. Эти объединения посредников, которые приходят в политику под ореолом русской культуры, не очень поддаются влиянию украинских, балтийских и кавказских эмигрантов. Зато они завязывают новые отношения с людьми, высланными из стран народной демократии, — передают свой опыт тайного перемещения, осуществляют совместные акции и публикации, например, на страницах журналов «*Contrepoint*» и «*Контитент*».

Этот поток публикаций, воспринимаемый как нечто небывалое, но при этом справедливое, ведь он исходит от диссидентов из СССР, а не от антикоммунистической эмиграции (несмотря даже на то, что влияние радиостанций и печатных изданий, отправляемых в СССР созданными Америкой организациями, могло быть достаточно высоким), по-прежнему сталкивается с трудностью: любое сообщение с критикой в адрес советского режима воспринимается как антикоммунизм. Нужно подчеркнуть и другую сложность — распространение информации ограничено книгами, журналами или университетскими коллоквиумами, как, например, коллоквиум поддержки чехословацких и советских диссидентов в Париже в 1974 г. Письменные произведения по-прежнему остаются необходимыми, но недостаточными в эпоху, когда телевидение диктует медийные законы. Итак, во второй половине 1970-х — 1980-е гг. европейское общественное мнение выдвигает на первый план в СМИ советское диссидентство.

Как это объяснить? Как антикоммунистические общества периода «холодной войны», так и эмигрантские политические организации делали ставку на тему «свободы», размышляли о ценностях (несмотря на то, что эмигранты из СССР мало участвовали в споре о понятии тоталитаризма, в отличие от изгнанников из Центральной и Восточной Европы) и, наконец, способствовали постановке вопроса о культуре — не только как носительнице политического смысла через личность писателя или художника с выраженной позицией, но о культуре, в рамках которой свобода творчества становится объектом международных отношений. Этот вопрос, поставленный на повестку дня еще со времен Женевской конференции 1955 г., нашел точные выражения, например, в «Прыжке к свободе» танцовщика Рудольфа Нуреева в 1961 г. Но только в середине 1970-х гг., в новых международных условиях (переговоры в Комиссии по безопасности и сотрудничеству в Европе),

эта эволюция сочетается с интернационализацией проблемы защиты прав и личных свобод человека — кампании против апартеида, рост влияния организаций наподобие «Amnesty International», которые вместе систематически заботятся о заключенных в коммунистических и западноевропейских странах (Греция или Португалия) и о борцах с колониализмом; наконец, с освещением в прессе коммунистических насилий в Юго-Восточной Азии и феноменом «boats-people». Советское диссидентство сумело благодаря Андрею Сахарову, но, наверное, в большей степени благодаря Солженицыну, которые впервые заговорили с европейским общественным мнением напрямую через СМИ, сделать свободу слова и перемещения, а также и культуру в самом широком смысле слова — объединяющей целью. При этом, однако, были оставлены на заднем плане очень спорные вопросы о желательном режиме для Советского Союза и об отношениях между русской и западной культурами²⁰.

Восприятие критических сообщений об СССР, проходящее через свидетельства о прирешении там свобод, затрагивает европейцев, от правых до новых левых антисталинистов и антиколониалистов²¹. Таким образом, был преодолен партикуляризм эмиграции — теперь она не воспринималась более как только «русская» или «советская» и, таким образом, не-европейская, — а также своего рода биполярность коммунизм/антикоммунизм, выходящая из мирового противостояния.

¹ Эта статья была опубликована на французском языке в журнале «L'Europe dans la construction politique et identitaire russe 19ème–21ème siècles», под редакцией Стефани Бурго и Дельфин Пласиди-Фро, изд-во «Rue d'Ulm», 2013.

² См.: Le bloc de l'Est en question // Vingtième Siècle. Revue d'histoire / Justine Faure, Sandrine Kott (dir.) 1/2011. N 109; Intellectuels de l'Est exilés en France / Antoine Marès (dir.). Paris, 2011.

³ Что касается Франции, см. работу Катрин Гусефф: L'exil russe, 1920–1939. La fabrique du réfugié apatride, Paris, 2008; *Gorboff M.* La Russie fantôme: l'émigration russe de 1920 à 1950. Paris, l'Age d'Homme, 1995. — См. также: *Окороков А. В.* Русская эмиграция: Политические, военно-политические и воинские организации, 1920–1990 гг. М., 2003. — Гораздо более подробно описан межвоенный период. Один из редких примеров обобщения, см.: *Struve N.* Soixante-dix ans d'émigration russe, 1919–1989. Paris, 1996; *Пивовар Е. И.* Российское зарубежье. М., 2008.

⁴ «ABN Correspondance. Feuille d'information mensuelle du bloc antibolcheviste des nations», номер 1 за 1950 г.

⁵ См.: *Pouvreau A.* Une Troisième Voie pour la Russie. Paris, 1996; НТС. Мысль и дело. М., 2000.

⁶ *Гуль Р.* Я унес Россию: Апология эмиграции. Нью-Йорк, 1981–1984. — И его письма библиотекарям ВДИС (Нантер).

⁷ *Struve N.* Soixante-dix ans d'émigration russe, 1919–1989.

⁸ См.: *Ludwig B.* Le Comité européen et international Paix et Liberté. «Internationale» ou réseau de l'anticommunisme? (1950–1970) // Bulletin de l'Institut Pierre Renouvin. 2004. N 20; Histoire(s) de l'anticommu-

nisme en Suisse — Geschichte(n) des Antikommunismus in der Schweiz / Michel Caillat, Mauro Cerutti, Jean-François Fayet, Stéphanie Roulin (dir.). Genève, 2008.

⁹ *Furet F.* Le Passé d'une illusion. Essai sur l'idée communiste en France au XXe siècle. Paris, 1995; *Lazar M.* Le communisme, une passion française. Paris, 2002.

¹⁰ *Boel B.* Transnationalisme social-démocratie et dissidents de l'Est pendant la guerre froide // Vingtième Siècle. Revue d'histoire. 1/2011. N 109. P. 169–181.

¹¹ См.: *Laptos J.* Le rideau de fer, frontière ou gouffre? Châtafauter un bastion antioccidental en Pologne communiste après 1945 // Frontières du communisme. Mythologies et réalités de la division de l'Europe de la révolution d'Octobre au mur de Berlin / Sophie Coeuré et Sabine Dullin (dir.). Paris, La Découverte, 2007; *Raflik J.* Où s'arrête la communauté atlantique? Les discours des dirigeants occidentaux sur la frontière Est-Ouest (1948–1954) // Ibid.

¹² *Gomart Th.* Double détente, les relations franco-soviétiques de 1958 à 1964, Paris, 2003; *Rey M.-P.* La Tentation du rapprochement. France et URSS à l'heure de la détente (1964–1971), Paris, 1991; *Oudenaeren J. V.* Détente in Europe: The Soviet Union and the West since 1953. Durham, 1991. P. 283.

¹³ *Dufoix S.* Politiques d'exil. Hongrois, Polonais et Tchécoslovaques en France après 1945. Paris, 2002.

¹⁴ См.: *Andrew C., Vassili Mitrokhine V.* Le KGB contre l'Ouest. Les archives Mitrokhine. Paris, 2000.

¹⁵ См. sur ces circulations l'étude détaillée de Ioana Popa: Traduire sous contraintes. Littérature et communisme (1947–1989), Paris, 2010.

¹⁶ *Melnik C.* Un espion dans le siècle. La Diagonale du double. Paris, 1994.

¹⁷ *Puddington A.* Broadcasting freedom: the Cold War triumph of Radio Free Europe and Radio Liberty. Kentucky, 2000; *Grémion P.* Intelligence de l'anticommunisme. Le congrès pour la liberté de la culture à Paris (1950–1975), Paris, 1995.

¹⁸ *Bertelli E.* Russkaja mysl', Parigi e l'emigrazione russa 1947–1950. Padova, 1997.

¹⁹ См.: *Faure J.* Croisade américaine en 1950 // Vingtième Siècle. Revue d'histoire. 1/2002. N 73. P. 5–13.

²⁰ См.: *Vaissie C.* Le combat des dissidents de Russie en Occident // Intellectuels de l'Est exilés en France / A. Marès (dir.). P. 143–155; *Aucouturier M.* Un dissident de la dissidence. A. Siniavski et la revue Syntaxis // Ibid. P. 157–164.

²¹ *Christiaens K.* Inspirées par le Sud? Les mobilisations transnationales Est-Ouest pendant la guerre froide // Vingtième Siècle. Revue d'histoire. 1/2011. N 109. P. 155–168.

Coeuré S. “Russian” exile and the policy of European countries of the 1940s to the 1980s.

ABSTRACT: This paper provides an overview of political emigration coming from Soviet Union to Europe after 1945: what was the emigration's composition, what were its political and cultural practices? It explains the difficult reception of a critical message about the USSR, within the European mental map. This criticism imposes itself only during the 1970s, when defending Human Rights allows internal dissidence and political emigration to get out of the bipolarization communism/anticommunism, by sharing in a universal fight.

KEYWORDS: Russian emigration, Soviet emigration, dissidence, European anticommunism

AUTHOR: Professor, Paris Diderot University (Paris); e-mail: sophie.coeure@univ-paris-diderot.fr

REFERENCES:

- 1 Le bloc de l'Est en question // Vingtième Siècle. Revue d'histoire / Justine Faure, Sandrine Kott (dir.) 1/2011. N 109.
- 2 Intellectuels de l'Est exilés en France / Antoine Marès (dir.). Paris, 2011.
- 3 Gousseff C. L'exil russe, 1920–1939. La fabrique du réfugié apatride, Paris, 2008.
- 4 Gorboff M. La Russie fantôme: l'émigration russe de 1920 à 1950. Paris, l'Age d'Homme, 1995.
- 5 Okorokov A. V. Russkaya e` migraciya: Politicheskie, voenno-politicheskie i voinskie organizacii, 1920–1990 gg. M., 2003.
- 6 Struve N. Soixante-dix ans d'émigration russe, 1919–1989. Paris, 1996.
- 7 Pivovar E. I. Rossijskoe zarubezh` e. Moscow, 2008.
- 8 Pouvreau A. Une Troisième Voie pour la Russie. Paris, 1996.
- 9 NTS. My'sl` i delo. Moscow, 2000.
- 10 Gul R. Ya unes Rossiyu: Apologiya e` migracii. New-York, 1981–1984.
- 11 Ludwig B. Le Comité européen et international Paix et Liberté. «Internationale» ou réseau de l'anticommunisme? (1950–1970) // Bulletin de l'Institut Pierre Renouvin. 2004. N 20.
- 12 Histoire(s) de l'anticommunisme en Suisse — Geschichte(n) des Antikommunismus in der Schweiz / Michel Caillat, Mauro Cerutti, Jean-François Fayet, Stéphanie Roulin (dir.). Genève, 2008.
- 13 Furet F. Le Passé d'une illusion. Essai sur l'idée communiste en France au XXe siècle. Paris, 1995.
- 14 Lazar M. Le communisme, une passion française. Paris, 2002.
- 15 Boel B. Transnationalisme social-démocratie et dissidents de l'Est pendant la guerre froide // Vingtième Siècle. Revue d'histoire. 1/2011. N 109.
- 16 Laptos J. Le rideau de fer, frontière ou gouffre?  chafauder un bastion antioccidental en Pologne communiste après 1945 // Frontières du communisme. Mythologies et réalités de la division de l'Europe de la révolution d'Octobre au mur de Berlin / Sophie Cœuré et Sabine Dullin (dir.). Paris, La Découverte, 2007.
- 17 Raflik J. Où s'arrête la communauté atlantique? Les discours des dirigeants occidentaux sur la frontière Est-Ouest (1948–1954) // Frontières du communisme. Mythologies et réalités de la division de l'Europe de la révolution d'Octobre au mur de Berlin / Sophie Cœuré et Sabine Dullin (dir.). Paris, La Découverte, 2007.
- 18 Gomart Th. Double détente, les relations franco-soviétiques de 1958 à 1964, Paris, 2003.
- 19 Rey M.-P. La Tentation du rapprochement. France et URSS à l'heure de la détente (1964–1971), Paris, 1991.
- 20 Oudenaeren J. V. Detente in Europe: The Soviet Union and the West since 1953. Durham, 1991.
- 21 Dufoix S. Politiques d'exil. Hongrois, Polonais et Tchécoslovaques en France après 1945. Paris, 2002.
- 22 Andrew C., Vassili Mitrokhine V. Le KGB contre l'Ouest. Les archives Mitrokhine. Paris, 2000.
- 23 Traduire sous contraintes. Littérature et communisme (1947–1989), Paris, 2010.
- 24 Melnik C. Un espion dans le siècle. La Diagonale du double. Paris, 1994.
- 25 Puddington A. Broadcasting freedom: the Cold War triumph of Radio Free Europe and Radio Liberty. Kentucky, 2000.
- 26 Grémion P. Intelligence de l'anticommunisme. Le congrès pour la liberté de la culture à Paris (1950–1975), Paris, 1995.
- 27 Bertelli E. Russkaja mysl', Parigi e l'emigrazione russa 1947–1950. Padova, 1997.
- 28 Faure J. Croisade américaine en 1950 // Vingtième Siècle. Revue d'histoire. 1/2002. N 73.
- 29 Vaissie C. Le combat des dissidents de Russie en Occident // Intellectuels de l'Est exilés en France / A. Marès (dir.).
- 30 Aucouturier M. Un dissident de la dissidence. A. Siniavski et la revue Syntaxis // Intellectuels de l'Est exilés en France / A. Marès (dir.).
- 31 Christiaens K. Inspirées par le Sud? Les mobilisations transnationales Est-Ouest pendant la guerre froide // Vingtième Siècle. Revue d'histoire. 1/2011. N 109.